

Сходство, а подчас полное тождество в устройстве орудий и земледельческих процессов у разноплеменных народов Прибалтийско-Белорусского региона свидетельствует о древности земледельческого хозяйства у населения этой территории, о тесных контактах народов в течение многовековой их истории, об общих путях их социально-экономического развития.

Публикация общеевропейского и региональных историко-этнографических атласов значительно расширит горизонты исследований, позволит углубить выводы о причинах возникновения и путях распространения культурных явлений, пролить свет на этногенез славянских и прибалтийских народов.

А. Петерсон (Тарту)

О ВОЗМОЖНЫХ БАЛТИЙСКИХ ВЛИЯНИЯХ НА ВЕПССКУЮ МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ

О том, что между земледелием вепсского и балтийских народов существовали тесные связи, говорят прежде всего балтийские заимствования в вепсском языке: например, вепсское *vaço* (борозда), *semen* (семя), *hernēh* (горох), *lin* (лен) и др. Как известно, вепсский термин *ägez* (борона) — балтийского происхождения. Пахотное орудие — соха была одинаковой у балтов и вепсов. Пахотные орудия, применяемые вепсами и балтами, были распространены не только на их территориях, но и в соседних областях.

Зерновые у вепсов связывались в снопы, а снопы, в свою очередь, складывались в бабки по пять снопов. В особенности это относится ко ржи: четыре снопа вокруг кола, вбитого в землю, и пятый в качестве шапки сверху. У латышей рожь складывалась в бабки по десять снопов, яровые же по пять снопов. В дождливую осень у вепсов сжатые снопы даже не укладывались

в бабки или суслонь, а вывешивались сушиться на заборах — *ard* (вешало). По-латышски жерди в риге, где сушился хлеб, назывались *ārdi*, а по-литовски — *ardų*. После сушки яровые можно было укладывать для более длительного хранения в длинные скирды (вепсское — *skird*). В Восточной Латвии слова *stīra*, *ākirda* обозначают стога сена. По Биленштейну, латыши использовали для сушки хлеба и длинную скирду *stīra*.

По экспедиционным данным, учет урожайности зерновых у вепсов велся по снопам — мерой служило *rih* (по-русски — рига). Ржи в *rih* входило 200 снопов, яровых хлебов — 300. В балтийских материалах пока нет данных, подтверждающих, что и у них в древности была традиция учета урожайности по ригам.

У прибалтийско-финских народов, в том числе и вепсов, были тесные связи и общение с балтийскими народами в том далеком прошлом, когда земледелие у прибалтийско-финских народов делало первые шаги.

И. Приедите (Рига)

ЛАТЫШСКИЕ НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ — ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Музыкальный инструмент — специфическое явление национальной культуры. Он является одновременно феноменом материальной и духовной культуры. Сами названия народных инструментов нередко несут в себе конкретную культурно-историческую информацию.

Набор латышских народных инструментов многообразен. 30 разновидностей духовых, шумовых, ударных, струнных инструментов общим числом более 500 хранятся в фондах музеев республики; о них говорится в более чем 1340 народных песнях. Собира-

ние и изучение народного инструментария музыковедами (А.Юрьинс, Э.Мелнгайлис, Я.Витолиньш) и этнографами (М.Скрузитис, А.Биленштейн) началось в 1890-х гг.

В пределах одной этнографической зоны особенно ярко проявляется этническое своеобразие тех инструментов, у которых музыкальная (эстетическая) функция превалирует над прикладной. Такова, в частности, кокле — щипковый многострунный инструмент, один из наиболее популярных у латышей.

Изучение этногенезиса, развития и многообразия форм и ареалов бытования кокле в тот или иной период на определенной территории вызывает большой интерес. Этот инструмент родствен литовскому *kanklės*, эстонскому *kannel*, ливскому *kandle*, финскому *kantele*, а также русским крыловидным гуслим. Языковеды и историки единодушны в том, что название этого инструмента — балтского происхождения и что сформировался он в прибалтийской культурной среде. Традиция бытования упомянутого инструмента у латышей, литовцев и прибалтийских финнов сохранилась до настоящего времени как в современных, так и в архаичных (фольклорные ансамбли) формах.

Развитие кокле можно разделить на два периода: а) период бытования (XV в. — вторая половина XIX в.) так называемого классического (традиционного) кокле с долбленным из древесины липы, ели, сосны, ивы трапецевидным плоским или слегка изогнутым (Курземе) корпусом, покрытым еловой декой с резонаторными отверстиями, зауженным с одного конца торцевой части и небольшим количеством радиально расположенных (5–12) струн из жил, растительного волокна или металла; б) период, связанный с появлением цитрообразных (с мануалами, парными и тройными струнами) и усовершенствованных (с расширенным и хроматическим звуковым объемом) кокле с клееным из досок корпусом в форме трапеции и с параллельным расположением струн. Рубеж этих периодов тесно связан с особенностями социально-экономической и культурной жизни региона. В Видземе уже в 1830-х гг. (создание хорových обществ и возрастающее хоровое

движение) кокле в музыкальном быту использовали редко. В Курземе и Земгале рубежом упомянутых периодов условно можно считать вторую половину и конец XIX в. В Латгале кокле сохраняла свое значение и в первом десятилетии XX в.

При сопоставлении результатов картографирования выделяются три типа традиционной кокле: а) курземский (рис. 1), длина 55 — 70 см, ареал бытования — Курземе, Земгале; б) латгальский (рис. 2), так называемая крыловидная кокле, длина 55 — 85 см, ареал бытования — Латгале. Существенной деталью конструкции, отличающей латгальские кокле от прочих, является открылок, на который при полунаклонном или вертикальном положении инструмента во время игры опиралась левая рука музыканта. Это своего рода этническая особенность; в) аугшземско-видземский (рис. 3), так называемый переходный тип. Инструменты сохраняют форму курземских кокле, но изредка имеют небольшое словно декоративное "крыло". Длина 50 — 70 см, ареал бытования — Аугшземе, юго-восточная Видземе, т.е. зона распространения селонских говоров. Встречается и в центральной части Видземе.

При изучении этнических контактов не последнее значение имеет изучение орнаментации кокле. Латвские кокле сравнительно богато орнаментированы геометрическими узорами, при этом курземские украшены орнаментом, чаще всего выполненным резьбой и выжиганием; в Латгале для этой цели использовали сквозное сверление.

Во второй половине XIX в. на латышскую бытовую музыку, особенно в Видземе, сравнительно большое влияние оказала западноевропейская цитра. Однако сельские музыканты редко пользовались ею. Чаще они служили моделью для выделки местными мастерами аккордовых цитр. В работах мастеров северных Видземе и Латгале можно проследить влияние эстонского цитрообразного каннеля. Там новый инструмент, как правило, сохранил традиционное название "кокле" и изготовлялся ремесленниками уже по заказу.

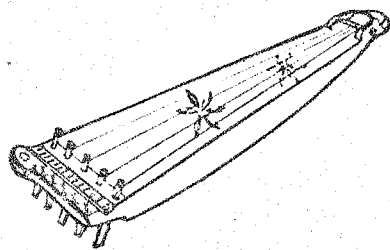

Рис. 1

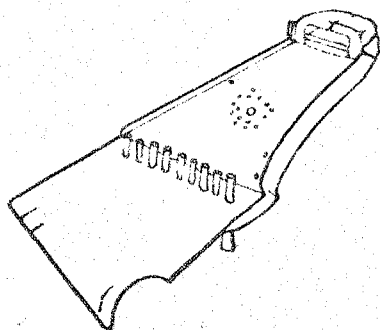

Рис. 2

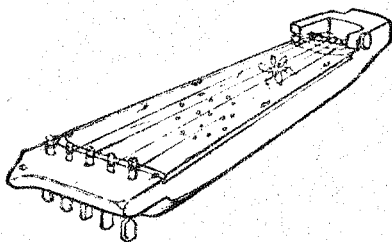

Рис. 3

Прямим результатом историко-культурных контактов латгалцев с белорусами являются цимбалы, на которых охотно играли в сельских капеллах, особенно в приграничных с Белоруссией волостях.

В.Титов (Минск)

ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЗОНЕ
БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
(XIX - начало XX в.)

Общие судьбы белорусского и литовского народов, проживавших в средневековый период в едином Великом княжестве Литовском, длительное время определяли характер взаимосвязей двух народов и сходные черты в развитии этносоциальных отношений.

Процессы этнического взаимодействия особенно интенсивно протекали на территории Понеманья в зоне чересполосного проживания белорусов и литовцев. В XIX в. такой зоной были территории Виленского, Лидского, Ошмянского и Свенцянского уездов Виленской губернии, а также Гродненский уезд Гродненской и Новоалександровский уезд Ковенской губерний. По результатам Всероссийской переписи населения 1897 г., в четырех названных уездах Виленской губернии проживало около 970 тыс. человек, из них 513 тыс. (52,3%) - белорусы, 161 тыс. (около 17%) - литовцы, 142 тыс. (14%) - евреи, 97 тыс. (10%) - поляки, 54 тыс. (5,4%) - русские.

Данные переписей не всегда точно отражали реальное положение (этническую ситуацию) как из-за имевшей место предвзятости и несовершенства критериев учета, так и в силу объективных трудностей определения национальной принадлежности, что как раз и было характерно для таких этнически пестрых губерний, как Виленская. Здесь в XIX в. сложилась этни-